

Сальникова Е. В.

[К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ РЕАЛИЙ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/87.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 207-209. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- замена КБД деталью принимающей культуры → деталь получает дополнительное фоновое значение и вызывает другие ассоциации (*кум, вареник*).

2. КБД в форме типичных описываемой культуре реалий

- транслитерация и пояснение в сноске → передача содержания и фонового значения КБД, сохранение функции; редко при неполной ссылке потеря или искажение фонового значения (*шаровары; плахта*)

- замена более известным аналогом культуры оригинала → сохранение функции и содержания, иногда искажение фонового значения (*варенуха*)

- замена нейтральным аналогом и передача фонового значения лексическими средствами языка перевода → сохранение функции, содержания и фонового значения (*очипок*)

- транслитерация широко известных деталей без объяснений → сохранение функции и содержания (*квас*)

3. КБД в форме описания или с толкованием автора

- дословная передача КБД и описания (толкования) → сохранение содержания, иногда потеря фонового значения, если оно не объяснено автором (*каганец*)

- передача содержания КБД и объяснение фонового значения в ссылке → сохранение функции, содержания и фонового значения КБД (*черные брови казачки*)

4. КБД в составе стилистического приема или фразеологизма

- дословная передача фразеологизма или стилистического приема → стирание стилистического приема, потеря фразеологизма; часто приводит к искажению содержания (*молоко на губах не обсохло*)

- нейтрализация КБД и стилистического приема → стирание стилистического приема, национального колорита, передача только содержания (*бублик - писала ногами подобие своего товара*)

- передача стилистического приема средствами языка перевода → сохранение стилистического приема, сохранение содержания (*цвета застуженного картофельного киселя*)

Таким образом, в повести Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» встречаются культурно-бытовые детали в форме реалии, описания, а также используются в качестве стилистического приема. Изучив способы передачи культурно-бытовых деталей, мы установили, что при переводе следует ориентироваться на культуру оригинала. При передаче деталей в форме реалии необходимо использовать транслитерацию и давать полное объяснение в сноске, включая фоновое значение. Культурно-бытовые детали в форме описания вызывают меньше проблем при переводе, хотя иногда фоновое значение бывает потеряно. Детали в составе фразеологизмов или использованные в качестве стилистического приема следует передавать средствами языка перевода и сохранять функции. Также необходимо всегда уделять особое внимание содержанию культурно-бытовой детали, иначе неизбежны ошибки и искажение смысла. Замена культурно-бытовой детали реалией языка перевода недопустима.

Данное исследование, а также анализ культурно-бытовых деталей в произведениях других авторов помогут нам в дальнейшем выделить основные принципы передачи культурно-бытовой детали, разработать некоторые рекомендации по ее переводу, и ответить на вопрос о возможности сохранения национального колорита художественного произведения в целом.

Список использованной литературы

1. Громов Е.С. Начала эстетических знаний. М., 1984 - с. 165.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ РЕАЛИЙ

Сальникова Е. В.

Сыктывкарский государственный университет

В современном переводоведении немало место уделено анализу адекватного перевода безэквивалентной лексики, реалий, экзотизмов. Этой проблеме посвящены работы А.В.Федорова, В. И. Копанева, С. Влахова и С.Флорина, Б.И.Репина, К. И. Монахова и др. Однако ни один из авторов научных работ по теории художественного перевода не заостряет внимания на группе реалий, принадлежащей к лексике церковной, религиозной. Данные реалии упоминаются в исследованиях, как правило, среди этнографических и национальных, но нераскрытыми остаются принципы их перевода, а также то влияние, которое оказывает перевод этой группы реалий на передачу национального своеобразия художественного произведения и на его замысел в целом.

Наше сообщение не претендует на всецелое заполнение данного пробела; мы попытаемся лишь наметить некоторые существенные на наш взгляд положения, которые смогли бы в дальнейшем перерасти в полное интересное исследование.

В нашей работе мы опирались на перевод романа И.Шмелева «Лето Господне», выполненный Рудольфом Карманном в 1974 г.

Предварим наш анализ пояснением выбора объекта исследования. Небезызвестно, что речь человека вводит слушающего (или читающего) в пространство его души. Таким образом, необычайно важен тот языковой пласт, те понятия, которые помогают осязать непосредственно внутреннюю жизнь. А это - язык веры. И.Шмелев в своем романе постоянно прикасается, прислушивается к внутреннему человеку («сокровенному сердцу человеку»), у которого «душа начинается», в ком радость тела переливается в радость души. Русская

православная культура является закваской, альфой и омегой произведения. Именно здесь кроются наибольшая сложность для переводчика.

Р. Карманн не смог до конца овладеть материалом и справиться с вышеуказанной трудностью, несмотря на знания и любовь к культуре России и русскому языку, которые видны во многом из точнейшего понимания им текста. Так, им сохранены этическая и эстетическая доминанты оригинала, а также равновесие между передачей деталей и донесением общего смысла (за исключением тех случаев, когда речь идет о религиозных понятиях); блистательно выполнен перевод фразеологических единиц, представляющих немалую задачу для каждого переводчика. Причем, порой Р. Карманн не прибегал к возможным отдаленным эквивалентам, а предлагая свои варианты. Приведем несколько примеров: присказки одного из главных героев романа - Горкина, а также пословицы в немецком тексте звучат также упрugo и отчетливо: «Перелом поста - щука ходит без хвоста» - «Werden die Fasten unterbrochen, kommt der Hecht ohn' Schwanz gekrochen». Или «Похлебный гриб сборный, ест протопоп соборный» - «Suppenpilz zu jedem Mahle - isst der Popst der Kathedrale». Приведем также удачный на наш взгляд перевод стихотворения, характеризующий Р. Карманна как искусного, находчивого переводчика:

Калачи - горячи

На окошко мечи!
Проезжали г...начи,
Потаскали калачи.
Прибег мальчик,
Обжег пальчик,
Побежал на базар,
Никому не сказал,
Одной бабушке сказал:
Бабушка-бабушка,
Вари кутью -
Поминать Кузьму!

Schmeiss heisse Kalatschen
Zum Fenster herein!
Die Buben kriegen Watschen,
Wenn sie klauen die Kalatschen
Und laufen damit heim.
Kam ein Büblein angerannt,
Hat sein Finger dran verbrannt,
Hurtig läuft er zum Basar,
Sagt davon kein Wörtchen gar.
Nur Grossmutter bat er dann:
Schau doch mal mein Händchen an,
Koch aus Kräutern einen Sud,
Dass mein Finger heilen tut!

Однако, соприкасаясь с глубинными духовными константами русской православной культуры, переводчик во многом отходит от оригинала, не имея аналогов для некоторых понятий в системе культурных ценностей своего народа и не до конца понимая самобытное мировидение, воплощенное в романе. Потому перевод зачастую следует букве, но не духу оригинала. Так, важные в православии идея разделения души и духа и опытно переживаемое понятие «благодати», показанные автором в жизни и, соответственно, речи Горкина, в переводе теряют самую суть. Например, ключевая фраза первой главы романа «Теперь уж душа начнется», передана неуклюже-антропоцентрично: «Jetzt heisst es schon "sich um die Seele sorgen"» («Это значит теперь «заботиться о душе»»), т.е. телом заботиться о душе, для которой нет начала, нет обновления. Далее в оригинальном тексте объясняется, как во время Великого Поста «душу готовить надо» - «говеть, поститься, к Светлому дню готовиться». Здесь - идея высвобождения души из-под ига плоти, телесной тяжести и страстности. В переводе мы находим «Man muss sich auf die Kommunion vorbereiten, man muss fasten. bis zum Lichten Ostersonntag» («Надо готовиться к причастию, надо поститься до Светлого Воскресения»). Невозможность перевести понятие «говеть» и охватить весь спектр действий, чувствований, устремлений, им выраженный (это и отказ от телесных удовольствий, привязанностей, и попытка хранения ума, сердца, языка, и старательное подчинение своей воли Божьему Промыслу), обусловлена отсутствием аналога данному понятию в немецкой культуре. Между тем, И.Шмелев часто употребляет именно этот глагол в описании Великого Поста, подчеркивая зависимость плоти от духа и желание русского человека жить по духу, что остается не отраженным в переводе.

Р. Карманн ориентируется на три приема передачи реалий: пояснение в сносках (так пояснены, например, слова ефимоны, кутья, Чистый понедельник, обращение «Батюшка» и др.), транскрипция (die Plaschtschaniza, Kulitsch, Paskha и др.) и объяснение в тексте. В последнем случае, как правило, теряется точность изложения, искажается эмоциональное содержание текстового отрезка, утрачивается ритм прозы.

Своеобразный язык повествования утяжеляется, становится тусклым, малорадостным. Это происходит чаще всего из-за введения в повествование отсутствующих в оригинале глагольных конструкций (еще раз подчеркнем, что данное наблюдение относится в абсолютном большинстве случаев к предложениям, содержащим религиозные понятия).

Вследствие толкований и описаний, к которым переводчик прибегает излишне часто, сглаживаются лексические и интонационные особенности языка персонажей, меняется их характер даже возраст: исчезает непосредственность, выразительность речи героев, отчего происходит обезличивание образов.

Данное замечание касается особенно образа главного героя. Неточный перевод многих насыщенных религиозной лексикой его высказываний значительно изменяет весь строй его речи: из непосредственной, детски-образной речь становится утяжеленной, чрезмерно корректной грамматически, теряя присущую ей в оригинале экспрессию и живость. Вместе с тем изменяется облик героя (он видится старше) и его восприятие читателем. Так, например, наблюдая за Горкиным, мальчик делает вывод: «Горкин молчит и все тяжело вздыхает - от грехов, должно быть. Но какие же у него грехи? Он ведь совсем святой...» «Gorkin geht schweigend fürbass und seufzt immer schwer auf; ich glaube, dass ihn seine Sünden quälen. Aber was hat er denn für Sünden begangen? Er ist doch wirklich ein Heiliger...» («Горкин молча продолжает свой путь и все время тяжело вздыхает; я думаю, что его мучают грехи. Но какие же грехи он совершил? Он ведь действительно святой...»). Вот отрывок, как ребенок несет из церкви свечу: «Я несу от Евангелий страстную свечку, смотрю на мерцающий огонек: он святой. Тихая ночь, но я очень боюсь: погаснет! Донесу - доживу до будущего года». В переводе в сноске дан обширнейший комментарий того, что значит в православной традиции Великий четверг, описан обычай принесения домой из храма свечей. Тем не менее речь героя растянута (объем ее вдвое превышает высказывание в оригинале), опять теряется ее подвижность и образность: «Gründonnerstag... Nach Verlesung der "Zwölf Evangelien" trage ich die Passionskerze aus der Kirche heim und schau unverwandt auf das flackernde Flämmchen: es ist heilig. Die Nacht ist still, doch ich befürchte, es könne erlöschen, was ein böses Omen bedeuten würde! Aber ich bringe es sicher nach Hause - und werde es behüten bis zum nächsten Jahr» («Великий Четверг... После прочтения «Двенадцати евангелий» я несу страстную свечу из церкви домой и пристально гляжу на мерцающий огонек: он святой. Ночь тихая, но я боюсь, он может погаснуть, что означало бы плохое предзнаменование. Но я точно принесу его домой - и буду его хранить бо следующего года». Кратко описанное в оригинальном тексте занесение Плащаницы в алтарь, которое ребенок видит и передает по-своему, в переводе сопровождается небольшим, но нивелирующим живость речи пояснением: «Священник уносит Плащаницу на голове» «Der Priester trägt die Plattschaniza hinaus, hält sie über seinem Kopfe» («Священник выносит Плащаницу, держит ее над головой»).

Еще пример: уставший мальчик сидит после службы в храме, смотрит на лампадку перед Распятием и думает о всеобщем Воскресении («...и горячие струйки бегут из души к глазам»). Переводчик необоснованно разбивает данную часть предложения на два простых предложения: «...heisse Schauer durchrieseln mich. Die Augen umflogen sich mir». («...Жаркая дрожь охватывает меня. Мои глаза затуманиваются»). При таком разделении не только замедляется темп повествования, но и слабо передается внутреннее состояние героя. По сути, речь здесь идет о тесной связи души и тела, возможно, о пути к одухотворению плоти. В переводе же дано лишь внешнее действие - плач, внутренняя связь («от души - к глазам») не схвачена.

Рассмотрим еще одну яркую картину, не относящуюся уже к образу героя, но иллюстрирующую наше наблюдение: продавец воздушных шаров, нераспроданных во время масленицы, отпускает их, забывая о выручке (ведь Великий пост). Горкин комментирует: «Все грехи на небо полетели». Переводчик, старательно объясняя происходящее, заменяет лаконизм назидательностью: «Hat seine Sünden gesühnt und die sind zum Himmel davongeflogen». («Искупил свои грехи. И те полетели на небо»).

В защиту переводчика следует сказать, что не все неточности перевода являются следствием его недопонимания или неполного знания рассматриваемой группы реалий. Так, трудно, а порой невозможно, перевести игру слов, особенно если в немецком языке есть свое соответствие этой реалии: «Сегодня у нас Чистый понедельник, и все у нас в доме чистят» - «Heute ist der Passionsmontag, und da wird in unserm Haus alles saubergemacht» («Сегодня - Страстной понедельник, и вот все в нашем доме чистят»). Конечно, исчезает осязание непосредственности ощущений ребенка (раз «чистый», значит - чистят), но иначе данный отрывок вряд ли было возможно перевести. То же можно заметить и о восприятии героем одной формулы из Символа веры: «И еще - радостные слова: «чаю Воскресения мертвых»! Недавно я думал, что это там дают мертвым по воскресеньям чаю, и с булочками, как нам». Игру слов переводчик попытался растолковать в сноске, приводя, между прочим, и школьный каламбур того времени: «Wortspiel im Russischen. "Ich harre" - tschaju, "Tee" - tschaj! Es klingt banal, war aber ausserordentlich beliebt. Die Schulbuben fragten: "Was kommt nach dem Tee" (posle tschaju)? Antwort: "Die Auferstehung der Toten"» («Игра слов в русском языке. «Я чаю» - чаю, «Тее, чай» - чай. Это звучит банально, но было очень популярно. Школьники спрашивали «Что идет после чаю?» Ответ: «Воскресение мертвых»). В самом же тексте игра слов не передана.

В заключении повторим, что наш краткий обзор является лишь началом работы над проблемой перевода реалий, относящихся к религиозной лексике. Помимо вышерассмотренных положений, могут быть затронуты и такие проблемы, как перевод с церковно-славянского языка (например, часто встречающихся в тексте романа молитв), который, углубляя оригинал, совершенно обесцвечен при переводе. Необходимо также обратить большее внимание на причины замены реалий нейтральной лексикой и проанализировать результат данной замены. Это может стать материалом дальнейшего исследования.